Добик Б
Нижний предел

Добик Б
Нижний предел

https://litres.ru/74681962
SelfPub; 2026

Аннотация

Нижний город пахнет грязным эфиром — прокисшим электричеством, что вызывает мутации и безумие. Здесь живёт 16-летний Кай: мать погибла при «чистке», дядя умирает от эфирной гнили. Наверху, в Облаках, элита купается в чистом эфире — магии, что лечит и создаёт материю. Когда дяде становится совсем плохо, Кай идёт на дело к «Теням». Простая доставка оборачивается кражей кристалла, погоней и встречей с отцом, которого он считал мёртвым. Кай не герой — просто мальчик, который хочет спасти единственного близкого человека. Но чтобы остаться человеком в мире, где всё продаётся, иногда приходится взрывать небеса. «Звёзды — это свет, который мы выбираем помнить».

Содержание

Пролог: Запах ржавчины и дыма 4
Глава 1. Ржавый Коготь 11
Глава 2. Лица теней 17
Глава 3. Последний ужин 24
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Добик Б
Нижний предел

Пролог: Запах ржавчины и дыма

Нижний город не пахнет смертью. Это слишком громко. Он пахнет мочой, перегретым пластиком, чужим потом, горелой синтетикой и тем особым запахом грязного эфира — прокисшим электричеством, которое щиплет в носу и оставляет на языке привкус крови.

Кай знал этот запах с рождения. Он въелся в его куртку, в волосы, в подушки, на которых он спал. Даже еда в Нижнем городе пахла эфиром — серыми хлопьями синтетического белка, размоченного в технической воде. Говорили, что в Облаках люди едят настоящие фрукты, которые пахнут солнцем. Кай не знал, чем пахнет солнце. Он видел его только на старых картинках — жёлтый круг, который не закрыт куполом.

Сейчас он сидел на корточках за грудой списанных компрессоров на перекрёстке Трёх Труб. Восемь кварталов трущоб «Ржавый Коготь» спали тревожным сном — тем сном, когда любой скрип может оказаться полицейским дроном, а любой шорох — соседом, который решил украсть твою банку с кашей.

— Не спи, малой, — шепнул дядя Роун, хотя сам дремал стоя, прислонившись к ржавой опоре. Его кашель звучал как треск старого двигателя — надсадный, влажный, с металлическим отзвуком. Кай насчитал уже семь таких кашлей за ночь. Раньше было два.

Дяде Роуну было пятьдесят два, но он выглядел на семьдесят. Эфирная гниль съела его лёгкие за десять лет рабо-

ты на сортировке биомусора. Корпорация «Сияние» платила ему триста кредитов в месяц — ровно столько, чтобы не умереть с голоду, но не хватало на лекарства. Кай помнил, как два года назад дядя вернулся со смены с синими пальцами. «Пустяки», — сказал он тогда. Сейчас синими были уже губы.

Кай не спал. Он считал огни Облаков — серебристые нити, нанизанные на иглу искусственного небосвода. Там, на высоте двадцати километров, люди жили в чистоте. Они не знали, что такое дышать через тряпку. Они не знали, что такое проснуться от того, что крыса прогрызла стену. Их дети учились не прятаться от обвалов, а летать на настоящих эфирных досках.

Облака были недосягаемы. Кай знал, что от Нижнего города их отделяют не просто километры бетона и силовые поля. Их отделяет цена. Билет на грузовом лифте до первого яруса Облаков стоил пять тысяч кредитов — годовая зарплата его дяди. Входной билет в жизнь стоил ещё дороже.

Когда Каю было семь, его мать решила, что она заплатит эту цену. Не за билет — за правду.

Она была активисткой — из тех, кто печатал листовки на старом принтере и расклеивал их по стенам. «Корпорации убивают нас», — писали листовки. «Сопротивление не бесполезно». В ту ночь, когда полицейские дроны окружили квартал, она спустила Кая в подвал и сказала: «Считай до тысячи. Когда досчитаешь — я вернусь».

Он досчитал до трёх тысяч. Она не вернулась.

Дядя Роун нашёл его через два дня — голодного, перепуганного, но живого. Он не сказал Каю правды сразу. Он сказал: «Твоя мать в командировке». А через месяц показал фотографию из корпоративной сводки: «Несчастный случай при чистке квартала». Тело опознали по обручальному пальцу — дешёвому сплаву, который теперь висел на шее у Кая.

— Дядя, — Кай тронул Роуна за рукав. — Если бы ты мог получить чистую магию… что бы сделал?

Роун открыл мутные глаза, кашлянул и выплюнул в ладонь чёрную слюну.

— Я бы залечил дыры в лёгких. А потом бы удавил того, кто придумал, что грязный эфир — единственное топливо для трущоб.

Он усмехнулся, показывая дёсны цвета гниющего мяса.

— Но ты, Кай. Ты бы не стал лечиться. Ты бы полез наверх. И это тебя убьёт.

Кай ничего не ответил. Он смотрел на серебряные нити Облаков и вдыхал вонь Нижнего города. В груди росло не предчувствие — жажда. Чистая, голодная, как волчья пасть.

Он вспомнил сегодняшний день. Как шёл мимо мусорного контейнера и увидел мальчишку лет десяти, который копался в отходах в поисках еды. Его пальцы были синими — верный признак эфирной гнили. Рядом с контейнером остановилась полицейская машина, и офицер вышел, чтобы «очистить зону». Он не арестовал мальчишку — он просто

нажал на газовый баллончик, и ребёнок упал, хватаясь за горло.

— Мешаете, — сказал офицер и уехал.

Кай тогда стоял в десяти метрах и ничего не сделал. Потому что если бы сделал — его бы тоже наказали. Но внутри, где-то за рёбрами, что-то щёлкнуло. Он понял, что больше не может просто смотреть.

Завтра он в первый раз пойдёт на дело. «Тени» — группировка, о которой шептались на базаре, — обещали работу. Посылка. Простая доставка до перекрёстка Трёх Труб. Плата — триста кредитов. Месячная еда для двоих.

Кай знал, что это не просто доставка. Он знал, что «Тени» воруют эфирные кристаллы, что их ловят и отправляют в переработку. Но дядя умирал. А он, Кай, уже потерял мать. Он не мог потерять ещё и Роуна.

— Ты чего не спишь? — снова спросил дядя, уже тише, проваливаясь в дрёму.

— Считаю звёзды, — соврал Кай.

— В Облаках нет звёзд, малой. Только фонари.

— Значит, считаю фонари.

Роун хмыкнул и замолчал. Кай вытащил из кармана зажигалку, сделанную из дохлого аккумулятора, и щёлкнул ею — раз, другой. Огонёк осветил его лицо: худое, с острыми скулами и медными волосами, которые не мылись уже неделю. На вид ему было шестнадцать, но глаза смотрели на все двадцать пять — усталые, злые, голодные.

Он подумал о матери: что бы она сказала, увидев его сейчас? «Не будь героем», — говорила она. Но она сама была героем. И умерла. Может, не надо быть героем — надо быть хитрым. Или жестоким. Или просто удачливым.

Кай затушил зажигалку. В кромешной тьме трущоб он улыбнулся — криво, зло, как улыбаются люди, которым нечего терять.

— Завтра, — прошептал он. — Завтра всё изменится.

Он не знал, что завтра изменит не только его жизнь — а весь Нижний город. Но если бы знал — всё равно пошёл. Потому что, когда ты живёшь на дне, единственное направление, куда можно двигаться — это вверх. Даже если полетишь вниз.

Где-то над головой, за бетонными перекрытиями и силовыми полями, в Облаках спали люди, которые никогда не слышали кашля эфирной гнили. Они спали на чистых простынях, и им снились чистые сны. А Кай сидел на корточках, вонял потом и грязью, и учился не бояться.

Утром он встретится с «Тенями». Утром он сделает первый шаг по дороге, с которой не возвращаются. Но он всё равно сделает его — ради дяди, ради матери, ради мальчишки, которого задушили газом за едой из мусорного бака.

— До завтра, Роун, — тихо сказал Кай, хотя дядя уже спал.

Он закрыл глаза. Внутри пульсировала та самая жажда — волчья, голодная, смертельная. И в этой жажде не было ни-

чего человеческого. Но человеком он станет позже — когда поймёт, что его можно потерять.

А пока — только тьма, только запах ржавчины и дыма, и далёкие огни Облаков, холодные, как звёзды, которых не видно.

Глава 1. Ржавый Коготь

Кай не сомкнул глаз до самого рассвета. Не потому, что боялся — просто в груди пульсировало что-то острое, похожее на лихорадку. Он лежал на матрасе из спрессованного пенопласта, слушал, как дядя Роун бредит во сне.

— Мари… не ходи туда… эфир горит…

Мать. Кай давно запретил себе думать о ней. Лицо стёрлось, остался только голос — низкий, чуть хриплый, когда она пела ему о звёздах. В Облаках нет звёзд, их закрывают купола. Но мать не знала. Или знала, но врала, чтобы он засыпал.

Отец. Вот о ком Кай не думал никогда — потому что нечего было вспоминать. Мать говорила о нём редко и всегда шёпотом: «Он был из Облаков. Он обещал вернуться». Единственное, что осталось от отца — дешёвый обручальный палец матери, сплав, который не позеленел за десять лет. Иногда Кай ловил себя на мысли, что ненавидит отца. За то, что ушёл. За то, что не спас. За то, что, возможно, до сих пор живёт там, наверху, и знать не знает о сыне, который перебирает мусор, чтобы поесть.

Он вздохнул и перевернулся на другой бок. Спать не хотелось. В голове роились слухи о «Тенях» — тех, кого он должен был встретить сегодня. В Нижнем городе о них шептались на базарах, в очередях за водой, в подпольных казино.

Говорили разное.

Одни называли их ворами — отребьем, которое грабит корпоративные грузы и перепродаёт эфирные кристаллы на чёрном рынке. Другие — последними борцами за правду, которые достают документы из Облаков и выкладывают в сеть. Третьи пожимали плечами: «Какая разница? Все они когда-нибудь сгорят».

Кай не знал, кому верить. Но он знал другое: «Тени» брали новичков, платили наличными и не задавали лишних вопросов. А ещё — никто из тех, кто работал с ними, не возвращался обратно таким же. Кто-то пропадал. Кто-то богател. Кто-то сходил с ума от грязного эфира.

В шесть утра завыл первый рециркуляционный гудок — воздух в Нижнем городе меняли раз в сутки, на два часа. В эти два часа можно было дышать почти как на поверхности. Кай любил этот запах — озона и мокрой стали. Он встал, натянул куртку из армированного хлама, сунул в карман зажигалку и материн палец.

— Уходишь? — голос дяди звучал сухо, как треснувшая кора.

Роун сидел на краю матраса, накинув на плечи одеяло с дырами от искр. Его лицо в сером свете экранов-утилизаторов казалось вырезанным из старой газеты.

— Позавтракай сначала, — дядя кивнул на жестяную банку на подоконнике. Внутри была серая каша — синтетический белок с добавками кальция. Воняло рыбой и картоном.

Кай проглотил ложку, не чувствуя вкуса.

— Дело лёгкое, — сказал он, глядя в пол. — Доставить посылку до перекрёстка Трёх Труб. Заплатят триста.

Роун посмотрел на свои руки — пальцы распухли, ногти синеватые.

— Кто нанимает?

— Не спрашивают, кто платит, — Кай выдавил улыбку.

— Мои слова про тараканов были, — Роун закашлял. — Слушай, малой. Я знаю, куда ты собрался. «Тени» — это не доставка посылок. Это эфир, это оружие, это люди, которые исчезают.

— А что мне делать? — голос Кая дрогнул. — Сидеть и смотреть, как ты умираешь? Как мать?

Роун замолчал. Потом достал из-под матраца сложенную вчетверо купюру в пятьдесят кредитов.

— Возьми. На случай, если что пойдёт не так. И запомни: о твоём отце я расскажу, когда ты вернёшься. Есть вещи, которые я не говорил тебе. Потому что боялся.

— Какие вещи? — Кай насторожился.

— Вернись — узнаешь, — дядя отвернулся. — Не будь героем. Героев хоронят бесплатно, но земля в Нижнем городе — самая дорогая вещь.

Кай сунул деньги в карман и выскользнул в дверь. В голове крутилось: «Отец? Что ещё за тайны?»

Дорога к коллектору заняла полчаса. Кай шёл знакомыми переулками, перепрыгивал через лужи технической во-

ды, протискивался между гор мусора. У самого входа в дренажную трубу он на секунду замер. Стены были разрисованы: чёрные тени на сером фоне, перечёркнутые логотипы корпораций, имена пропавших.

«Тени» оставляли свои знаки везде. Говорили, что так они метят территорию — или дают знать беднякам, что здесь можно найти защиту. Или наоборот — предупреждают, что этот квартал под контролем банды. Кай не знал. Он сделал глубокий вдох и нырнул в темноту.

Внутри коллектор оказался больше, чем он ожидал. Сводчатый потолок, ржавые трубы по стенам, мутная вода под ногами. В конце тоннеля горел оранжевый свет — несколько ламп на жидком эфире, воткнутых в ящики. И люди. Пятеро. Та самая группировка, о которой шептались на базаре.

Кай узнал их не по лицам — по нашивкам. Чёрная тень на сером фоне. Символ, который в Нижнем городе боялись и уважали.

— Пришёл, — сказал человек с ожогом на пол-лица. Его голос звучал спокойно, даже лениво, но глаза смотрели цепко. Кай понял: это Векс, главарь. Про него рассказывали, что он бывший полицейский, который перешёл на сторону трущоб. Другие говорили, что его уволили за жестокость, и теперь он мстит корпорациям. Третьи — что он просто наёмник, которому плевать на идеи.

— Я новичок, — сказал Кай, стараясь не смотреть на ожог. — Мне сказали, вы ищете курьеров.

— Ищем, — Векс кивнул в сторону остальных. — Знакомься. Это Мышка. Вскрывает замки быстрее, чем ты моргнёшь. — Тощая девчонка лет четырнадцати даже не подняла головы, продолжая крутить в пальцах лазерный резак. — Это Слепой. У него глаз-термовизор, видит сквозь стены. — Здоровяк с окуляром вместо правого глаза молча кивнул. — А это Плесень. Он слышит всё, что происходит в радиусе километра. Уши нашего отряда.

Старик в углу, закутанный в лохмотья, поднял трясущуюся руку и помахал. Кай заметил, что у него нет языка.

— А я? — спросил он.

— А ты — расходный материал, — усмехнулся Векс. — Если повезёт — станешь своим. Если нет — сгниешь в какой-нибудь шахте. Таковы правила.

— Какие правила?

— Не задавать лишних вопросов. Не лезть на рожон. Выполнять приказы. И помнить: «Тени» — это не семья. Это сделка. Мы даём тебе деньги — ты даёшь нам свою жизнь.

Кай сглотнул. Внутри всё похолодело, но отступать было некуда.

— Я согласен.

Векс долго смотрел на него, потом хлопнул по плечу:

— Добро пожаловать в ад, Рыжий. Завтра в полночь твоё первое дело. А пока — слушай и запоминай.

И Кай слушал. О том, как «Тени» три года назад украли первый эфирный кристалл. Как Векс потерял глаз при ата-

ке на корпоративный конвой. Как Мышка залезла в сейф, который охраняли дроны. Как Плесень расшифровал архивы, где корпорации планировали новые чистки. Оказывается, «Тени» были не просто бандитами. Они собирали доказательства. Они готовили удар по репутации «Сияния». Не бомбами — правдой.

— Мы не герои, — закончил Векс. — Мы те, кому надоело быть скотом. Если ты хочешь просто денег — получишь их. Но если захочешь большего… — Он замолчал. — Посмотрим, на что ты способен.

Кай вышел из коллектора, когда уже светало. В голове гудело от информации, а на душе было тяжело. Он чувствовал, что переступил черту. Но другого пути не было.

По дороге домой он остановился у старого плаката, на котором был изображён человек в корпоративном костюме с подписью: «Сияние — ваш свет в будущее». Кай смотрел на этот плакат и вдруг подумал об отце. А что, если он не просто ушёл? Что, если он работает на корпорацию? Или… что, если он один из них?

Он тряхнул головой, отгоняя мысли. Дядя обещал рассказать, когда он вернётся. Значит, надо вернуться.

Кай ускорил шаг. В кармане лежали пятьдесят кредитов и стик грязного эфира, который сунул ему Векс на всякий случай. Впереди была ночь. И выбор, который изменит всё.

Глава 2. Лица теней

Коллектор гудел. Где-то над головой, в толще бетона и арматуры, просыпался Нижний город — миллионы людей начинали свой день, не зная, что внизу, в старом дренаже, пятеро беглецов готовят удар.

Кай сидел на корточках у стены, слушая, как Векс разворачивает план. Но он не мог сосредоточиться. Вместо схематических линий на планшете перед глазами вставали лица. Чужие лица, которые скоро станут либо друзьями, либо могильщиками.

Он впервые смотрел на них так близко.

Векс — тот, кто потерял закон.

Векс стоял у импровизированной карты, выцарапанной на стене коллектора. Его профиль напоминал битое стекло — резкие линии, сломанный нос, шрам от виска до подбородка. Левую половину лица стягивал старый ожог — кожа блестела, как расплавленный пластик.

— Я не буду повторять дважды, — голос у него был низкий, с металлическим эхом — следствие повреждённых голосовых связок. Когда-то, ещё полицейским, он получил разряд эфирного шокера в горло. Отключили за превышение. Хотя на самом деле — за то, что отказался стрелять в детей.

Кай узнал это позже от Плесени. Векс служил в «Чистиль-

щиках» — эскадроне, который выжигал трущобы, мешающие корпоративным стройкам. В один день ему приказали ликвидировать квартал, где в подвале прятались тридцать сирот. Векс не выполнил приказ. Вместо этого он предупредил их за час, дал уйти через старые тоннели.

За это его судили, вычли пенсию, выжгли лицо калёным эфирным клеймом («предатель» — на левой щеке, но шрам всё стёр). После тюрьмы он вернулся в Нижний город — не героем, не мучеником, а псом без свора.

— Мотив? — сказал он как-то Мышки, когда думал, что никто не слышит. — У меня нет мотива. Есть только счёт. Корпорации забрали моё лицо, моё имя, мои лёгкие (эфирная гниль добралась и до него). Я заберу у них один чёртов кристалл. А если повезёт — взорву что-нибудь красивое.

Но Кай видел и другое: как Векс кормил бездомных собак в переулке, как зашивал куртку Слепому, когда тот порвал её о арматуру. Векс ненавидел себя за эту мягкость. Именно поэтому он каждый день повторял: «Здесь нет друзей. Только сделка».

Мышка — та, кто никогда не была ребёнком

Мышке было четырнадцать, но выглядела она на десять — тощая, с острыми ключицами и огромными глазами, в которых стояла такая усталость, будто она прожила уже лет восемьдесят. Волосы коротко стрижены, кое-где видны проплешины — следствие недоедания и грязного эфира, которым её травили в детстве.

Она не рассказывала о прошлом. Кай собрал историю по кускам от Слепого.

Мышку нашли в мусорном контейнере, когда ей было три года. Ни имени, ни документов. Она росла в государственном приюте «Пепел» — месте, где детей кормили отходами и заставляли разбирать эфирные батарейки голыми руками. Радиация, ожоги, смерть. В десять лет она сбежала, пролезла через вентиляцию, которую считали слишком узкой для человека. Похудела намеренно, ломала себе кости, чтобы втиснуться.

— Я ничья, — сказала она Каю, когда он впервые спросил, зачем она ворует. — У меня нет дяди, нет матери, нет даже имени. Мышка — это кличка, потому что я мелкая и шуршу там, где не ждут. Я хочу одно: чтобы какой-нибудь богатый ублюдок открыл свой сейф, а там — пусто. И понял, что его драгоценности украла девочка, которую он даже не заметил.

Она мечтала не о деньгах. Она мечтала о невидимости, которая станет видимой в момент кражи. О том, чтобы её существование на секунду заставило Облака вздрогнуть.

Но по ночам, когда остальные спали, Мышка вырезала на стенах имена детей из «Пепла» — тех, кто не выжил. И плакала в кулак, чтобы никто не слышал.

Слепой — который видит больше всех

Слепой — это ирония. Прозвище придумал он сам. Здоровяк под два метра ростом, с плечами, как рельсы, и лицом, которое трудно было назвать человеческим — из-за окуляра,

вживлённого в правую глазницу.

Он не всегда был таким. До аварии на эфирной станции «Скай-7» Слепой работал грузчиком в Облаках. Взрыв расплавил ему половину лица и выжег правый глаз. Корпорация «Сияние» отказалась платить компенсацию — «самовольное нахождение в опасной зоне». Он судился два года, проиграл, потерял дом и жену, которая не выдержала его калекой.

В Нижнем городе Слепой попал к подпольному лекарю, который вместо протеза вставил ему окуляр тепловизора — дешёвый, на грязном эфире. Теперь Слепой видел мир как движущиеся пятна тепла: красные, жёлтые, синие. Люди для него — пульсирующие огни. Деньги — холодные предметы. Эфир — горячее солнце.

— Моя мотивация простая, — сказал он Каю однажды, указывая на окуляр. — Этот кусок дряни жрёт мои нервы. Через год я либо ослепну окончательно, либо умру от эфирной интоксикации. Мне нужен чистый кристалл, чтобы запитать новый протез. Не для красоты — для жизни. В Облаках операция стоит сто тысяч. Поэтому я здесь.

Он не говорил о мести. Но иногда, когда мимо проплывал корпоративный дрон, Слепой провожал его взглядом своего единственного глаза — и Каю казалось, что внутри окуляра загорается что-то красное, не связанное с теплом.

Плесень — уши подземелья

Плесень пах смертью. Не трупным запахом — нет, чем-то более тонким: лекарствами, старостью, истлевающей бу-

магой. Ему было около шестидесяти, но выглядел он на все девяносто: спина сгорблена, пальцы скрючены, на коже — тёмные пятна от эфирных ожогов, старых, ещё до того, как эфир запретили для гражданских.

Когда-то Плесень был асом прослушки в корпоративной безопасности. Он слышал разговоры министров, грязные сделки, планы по отравлению целых кварталов. И однажды записал то, чего не должен был: как глава совета «Сияния» лично приказал пустить газ в трущобы, чтобы освободить место для нового мусорного полигона. Три тысячи жертв. Плесень слил запись повстанцам.

За это его пытали. Вырвали язык — поэтому он теперь мычал и писал на планшете. Сломали пальцы — поэтому руки тряслись. Отправили вниз, в эфирные шахты, где он работал десять лет, вдыхая ядовитую пыль. Лёгкие превратились в решето.

— Я не хочу денег, — написал он однажды на экране планшета, пододвинув его Каю. — Я хочу, чтобы весь мир услышал то, что слышал я. Голоса убийц. Чистый эфир — это не магия. Это ключ к массиву данных, который хранится в Облаках. Если мы добудем кристалл, я смогу взломать архив и пустить записи в эфир на все частоты. Пусть они сгорят в собственном свете.

Он улыбнулся беззубым ртом. Каю стало не по себе: старик хотел не мести, а правосудия. Но в мире, где правосудие продаётся, такое желание было опаснее любого оружия.

Кай перевёл дыхание. Он сидел, прижавшись спиной к холодной стене, и смотрел на четырёх незнакомцев, которые всего час назад были чужими. Теперь они обрели голоса, лица, раны.

Никто из них не родился вором, — подумал Кай. — Их сделали такими. Так же, как и меня.

Векс закончил объяснять план и хлопнул ладонью по стене.

— Вопросы?

— Да, — сказала Мышка, крутанув резак. — Когда начинаем?

— Завтра в полночь, — Векс перевёл взгляд на Кая. — Рыжий, ты идёшь первым. Ты самый незаметный. Заберёшься в шахту, отключишь датчики движения. Справишься?

Кай почувствовал, как стик грязного эфира жжёт карман. Внутри поднялась паника, но он подавил её.

— Справлюсь.

Слепой хмыкнул. Плесень написал на планшете: *«Он врёт. Но это хороший знак»*.

В коллекторе погасла последняя лампочка. Наступила тьма, и в ней Кай впервые за долгое время не чувствовал себя одиноким. Он чувствовал себя частью стаи. И это пугало больше, чем полицейские дроны.

Глава 3. Последний ужин

Кай вернулся в их каморку за час до полуночи. Дядя Роун не спал — сидел на перевёрнутом ящике у окна, за которым вместо неба тянулась серая бетонная стена соседней башни. На коленях у него лежал старый потёртый альбом — един-

ственное, что осталось от матери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.